

Тогрул Джуварлы Его страна была больше чем Россия

(прощальное слово о Дмитрии Фурмане)

На этой неделе Москва простилась с выдающимся русским ученым Дмитрием Фурманом, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института Европы РАН России. Никогда бы не рискнул назвать его так при жизни. Он был человек скромный, погруженный в работу, не требующий к себе подобающего внимания и пиетета. Дом, работа, его страна, друзья – вот и все нехитрое пространство, где он жил, но оно, собственно говоря, и охватывало весь мир. Дмитрий Ефимович жил в этом пространстве радостно и гармонично.

Он был мыслитель по самой своей природе. В любой его статье поражала удивительная простота и ясность мысли, письма, за которыми всегда угадывалась глубина и масштабы его интеллекта. Эпитет «выдающийся» вовсе не дань памяти близкого, родственного по духу человека. Как о выдающемся ученым говорят о нем практически все его коллеги. Если же судить по электронным СМИ, круг людей, опечаленных кончиной этого замечательного человека, значительно шире того профессионального цеха, к которому относил себя Дмитрий Ефимович Фурман.

Наверное, и у него были недоброжелатели, завидовавшие его ясному уму и нравственной твердости. Друзей было неизмеримо больше. Но его уникальность ученого и гражданина чувствовали все без исключения.

Среди историков прошедшего двадцатилетия он и в самом деле оказался необычной фигурой. К моменту распада СССР это был уже сформировавшийся ученый, написавший прекрасную докторскую диссертацию под названием «Религии и социальные конфликты в США», но себестоимость понятия доктора наук на тот момент «обнулилась». Конечно, его, серьезного ученого, по-прежнему приглашали на зарубежные конференции, он переводил какие-то нужные в это новое время религиоведческие и социологические книги. Но все у него было как у всех людей в те годы. Чтобы пережить сумасшедшие девяностые годы, надо было менять сферу приложения сил, искать новые возможности. Когда стали востребованы политологические статьи, он стал часто печататься в новых московских газетах и журналах. Разумеется, у него сразу заладилась – аналитик он был замечательный. Дмитрий Фурман с юношеским азартом принялся изучать новое политическое пространство. Думаю, что им вело наитие историка. В постсоветском пространстве начались тогда серьезные исторические перемены. Открывалось огромное поле для непосредственного изучения того, как же творится история. Ему было интересно жить в этом меняющемся потоке. Сравнить траектории, по которым шло развитие новых стран, искать общие закономерности, пытаться прогнозировать дальнейший ход событий. Конечно, он мог легко сделать политологический экспресс-анализ каких-то текущих событий. Но его интерес был шире – он хотел объять все неизведанное пространство, каким оказался постсоветский мир. Порой он казался продолжением прошлого – по методам управления, социальной психологии. Но это был уже иной мир. И он остался в этой теме уже до самого конца его жизни.

В девяностые он часто приезжал в Баку, но обычно ненадолго. Общение с ним всегда было радостью, предвкушением интересных бесед. Про себя я назвал его тогда «путешествующим историком», потому что в эти годы он буквально избородил просторы СНГ. Ему понравилось это мое определение. А мне нравилось то, как внимательно и подробно он вглядывался в события в новых странах. Его взгляду историка была присуща высокая «степень разрешения» как в googlemaps, и он замечал малоприметные детали, которые ускользали от внимания других. Позже включился весь его огромный интеллектуальный багаж, и он пытался осознать эти события в еще более широком контексте. Думаю, что российской политологии тогда очень повезло. В нее пришел замечательный историк. И оказалось, что инструментарий историка очень обогащает, пожалуй, даже облагораживает эту относительно молодую и немного сомнительную науку. У Фурмана она имела явный крен в сторону истории и социологии.

В новейшей истории работать трудно. История еще не устоялась. Исторические персонажи пока здесь, рядом и, как в пьесе Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора», способны еще сами воздействовать на автора. Они не дают устояться ни одной ясной отчетливой идее, ни одной концепции. Историческому исследованию нужна хоть какая-то дистанция, чтобы оно было точным. Он умел отходить на эту дистанцию.

Историки вообще мне нравятся по их бытию в обществе, по их предназначению. Они не дают обществу и политикам возможность сосредоточиться только на текущих проблемах, как бы раздвигая горизонты общественного времени и заставляя смотреть на события через разные окуляры. Конечно, есть тьма историков, которые обращаются к прошлому лишь для того, чтобы использовать его в угоду действующей политике (говорят: история – это политика, опрокинутая в

прошлом), что снижает цену истории как объективной науки. Он инстинктивно сторонился таких ученых, даже если это были умные и талантливые люди.

Можно уверенно сказать, что это был единственный историк современной России, который знал и понимал политические процессы, протекавшие в новых постсоветских странах. Он знал, что делало эти страны похожими, замечал то, что их отличало. А, может быть, инстинктивно он вновь склеивал это распавшееся пространство. Хотя умом историка, он, конечно, понимал, что оно распалось навсегда. Не могу иначе объяснить тот энтузиазм, с которым он стал собирать и редактировать книги, посвященные отношениям России с новыми странами, когда-то входившими в советскую империю. Фактически это были его книги, его исследования. Он месяцами работал с авторами по каждой книге, стремился к тому, чтобы лично у него не оставалось никаких вопросов. В этих сборниках есть попытка увидеть Россию отраженно, через страны вокруг нее. И столь же заметно желание понять глубинные процессы в каждой стране, выбранной как объект исследования.

У него было множество знакомых и друзей во всех постсоветских странах – от Казахстана до Молдовы, от Киргизии и до Украины. Все знали его научную безупречность, его человеческое обаяние, надежность, бескомпромиссность. Язык не повернется назвать его сторонним летописцем, его текстам доверяли все. И, кажется, мало кто, так хорошо знал политические элиты этих стран как Фурман. Думаю, что он в чем-то даже помогал формированию этих элит. Почему? В каком-то смысле он знал о них больше, чем они сами о себе. Занимаясь многими странами, он знал закономерности, по которым шло формирование этих новых элит. Фурман легко идентифицировал в них тех, кто преследовал собственные корыстные интересы (что так обыденно для политики) и тех, кто впервые почувствовал ношу ответственности, пытался угадать ход движения истории, вырулить в правильную сторону. До последних дней жизни он очень тепло отзывался о нашем экс-президенте Эльчибее. Вопреки молве, которая трактовала Эльчибея лишь как слабого человека, сдавшего власть, он воспринимал его как историческую фигуру. Если мне не изменяет память, он съездил даже к нему в Келеки и вернулся оттуда, укрепившись в этом мнении. Он полагал, что для истории и проигрыши когда-то могут оказаться выигрышем. Год с небольшим демократического опыта Азербайджана начала девяностых он считал важным, и был уверен, что этот опыт сработает в будущем. Фурман считал, что он уже работает. Дмитрий Ефимович был убежден, что наше общество было бы другим, если бы не позитивный опыт первого демократического правительства Азербайджана в 1918-20 годах.

Он написал много хорошего и точного о нашей стране, о нашей политической системе. Он очень любил нашу страну. Он писал и о карабахском конфликте, предпочитая при этом точность анализа любой форме пристрастности. И, если даже он вводил какие-то новые термины («государство-церковь» или «этнос-церковь»), то лишь затем, чтобы точно обозначить предмет обсуждения, не привнося в это лишние эмоции.

Фурман был всемирным человеком, и чувство истории было в нем изначально. Ему нравилось угадывать, откуда грянет гром истории и где он пройдет дождями. Когда в начале этого года начались арабские события, он был уже очень болен. Кажется, он единственный, кто назвал эти события великим событием не только в истории Ближнего Востока, но и всей мировой истории. Как историк он верил в свою интуицию. В минувшее полугодие мы видели и трудные победы этой революционной волны, и явное топтание событий на месте, как это мы наблюдаем в Ливии или Сирии. Вновь в игру включились большие державы. Но Фурман-историк иногда позволял себе не обращать внимания на такие временные паузы – ему было важно, что пошел исторический процесс. Он как-то сказал автору этих строк, что рано или поздно обязательно возникнут какие-то механизмы, которые будут блокировать современный авторитаризм. Мир стал слишком сложен, политическое долгожительство ведет к консервации систем, и это начало их гибели. В одной из наших бесед, пытаясь полемически заострить предмет, я напомнил ему, что сефевидский шах Тахмасиб правил целых полвека и именно при нем расцвела великая тебризская школа миниатюры. Вот, мол, и польза от авторитаризма – Тахмасиб забыт, минитюрами любуются. Ты еще приведи примеры сталинской индустриализации, мягко парировал он, твой пример – это пример из совсем другой эпохи. И добавил с улыбкой – а ведь был еще Мухаммедали, который столько же правил в Египте, и от которого не осталось ничего, кроме упоминания в книгах Маркса. В одном из своих последних интервью он как бы развил эту тему. Он говорил, что сегодняшние авторитарные лидеры теоретически могут объявить себя монархами, но над ними посмеются и свергнут их, потому что это все-таки неприлично. Я надеюсь, говорит он в том интервью, что после арабских событий будет столь же неприлично оставаться у власти более чем на два срока. Ротацию власти он считал неизбежным эволюционным процессом и главным признаком начавшихся демократических перемен.

Он был подлинный историк и в том, как бережно относился к любым материалам, необходимым для работы. Будучи человеком небогатым, он не мог позволить себя подписку на многие издания – а ведь его интересовало все постсоветское политическое пространство. От него я узнал однажды, что в Москве есть служба, где можно приобрести все прошлогодние номера газеты «Зеркало» за бесценок. В течение нескольких лет он скупал ворох этих газет годичной давности, привозил домой. Этот интерес к отшумевшему информационному году вначале вызвал у меня улыбку. Но он с таким смаком рассказывал, как он потом аккуратно распотрошит эти связки, пробежится по заглавиям, найдет нужное, что мне пришлось

призадуматься, в чем же состоит время для историка. События прошлого, застывшие на желтеющих газетных страницах, для историка в самый раз. Для нас, завязших в суете текущей политики, это уже прошлое, а для историка - «неостывшее» настоящее, уже превращающееся в историю.

Он не верил в конспирологические теории заговоров и во всеобщее управление миром. Не любил слово «геополитика», которое низводит мир до уровня шахматной партии, в которую играют подлинные властелины мира. Его никогда не обманывала иллюзорная глубина и сложность этой игры. Дмитрий Ефимович не был и не мог быть провластным человеком в силу одной только преданности науке. Я уже не говорю о его независимости, внутренней свободе. В то же время он никогда не подыгрывал преобладающим на данный момент общественным настроениям. Он иронично улыбался, когда при нем говорили, что Запад хочет разрушить Россию. Как историк Дмитрий Ефимович понимал, что этого не может сделать никто, никакая сила, потому что распад такого пространства был бы катастрофой для всего мира. Тем самым, он выбивал почву из-под ног оголтелых националистов, которые считали, что у внешнего мира лишь одна задача – сломать хребет России. Он высмеивал тех, кто противопоставляли Ельцина и Путина, называя первого демократом, а второго чуть ли не диктатором. Для него эта крайность оценок была лишь следствием борьбы политических элит. В его системе политических оценок Путин был естественным продолжением Ельцина. Нам очень хотелось бы иногда думать, что весь нагорно-карабахский конфликт придуман Россией: это избавляет от ответственности, попробуй, разберись с такой машиной. В одном интервью азербайджанским СМИ Фурман говорил, что этот конфликт придуман не Россией, но она воспользовалась им. Он считал такие уточнения очень важными для общественного сознания.

Последняя книга Фурмана «Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем» значима во многих отношениях. Это книга крупного историка, который с предельно возможной точностью пытается описать и осознать политическую эволюцию России в последние двадцать лет. Его блестящий ум и научная аккуратность делают эту книгу бесценным материалом для следующих поколений, которые попытаются понять, что же происходило с Россией на рубеже столетий. Скрупулезность Дмитрия Ефимовича в этой работе просто удивительна. Это тот случай, когда сноски к тексту не менее интересно читать, чем сам основной текст. Они делают его объемным, интересным. Перед нами конденсированная история России двух последних десятилетий.

Любопытно, что в России книгу почти не заметили - даже те, кто ее прочел. Он ожидал этого и все равно был обескуражен. Для любого творческого человека важно, чтобы его труд был замечен, стал предметом обсуждения. После выхода книги домашний телефон практически молчал. Исключение составляли только звонки от очень близких друзей и единомышленников. В постсоветских обществах все еще хотят мыслить понятием баррикад: где ты, на какой стороне, с кем ты? Эта позиция абсолютно противоположна двум публичным профессиям – журналистам и историкам. Они не имеют права быть с кем-либо (и, тем более, тайно), хотя бы потому, что это снижает доверие к ним. Прочитав книгу, где-то в конце зимы я позвонил ему и сказал, что я знаю, почему книга не вызвала должного резонанса. «Я тоже знаю, - сказал он. – Я ведь никому не потрафил – ни власти, ни демократам».

Это книга абсолютного демократа, который уверен, что демократии, в конечном счете, нечего противопоставить. Он нигде не навязывает свои демократические убеждения, но вся логика изложения показывает, что демократия безальтернативна. В нашей эпохе много эсхатологии самого разного толка – экологического, политического, экономического. Конечно, Дмитрий Ефимович читал и знал об этом. Но, во-первых, он, почти как протестант, полагал, что человек должен делать свое дело вопреки всему. Во-вторых, он был глубоко убежден в том, что, чем больше реализуется свободная творческая энергия общества, тем дальше отходит от края пропасти даже самая неудачливая страна. Собственно говоря, и политиков он оценивал через то, насколько, переступив через личные риски, они открывают путь для этой созидательной стихии.

У Дмитрия Фурмана была статья настоящего интеллигента. Я говорю сейчас не о физической осанке. Здесь как раз он был замечательно нескладен. Он старался опуститься до размеров собеседника, если тот не вышел ростом. Или мог замечательно напряжиться, стать стройным, если вот сейчас, в этой беседе у него родилась какая-то интересная мысль. Я всегда видел в нем то, за что бесконечно завидую России – она умеет постоянно генерировать настоящих, безупречных интеллигентов, каким и был Дмитрий Ефимович. Есть расхожее, но точное определение интеллектуала и интеллигента: оба стремятся докопаться до сути вещей. Но интеллектуал остается замкнут в себе, в своих прозрениях, интеллигент же хочет выйти за рамки собственной жизни, ему не безразлично, что будет впереди, уже после него. Эта эстафетная палочка никогда не падала, какие бы жестокие времена не переживала Россия. Дмитрий Ефимович достойно пронес ее через всю свою жизнь. Духовные ценности он нес через жизнь самым удивительным образом. Ему нравилось, например, знакомить одних своих друзей с другими, а еще лучше делать их друзьями. Это тоже была своеобразная эстафета духовности. Только благодаря Фурману у меня появилось два замечательных товарища – журналиста - испанка Пилар Бонет и чеченка Зара Имаева.

В его биографии есть вещи, о которых я никогда не решился бы написать при его жизни. Он говорил, что его отчим Ефим Фурман был замечательным человеком. Еще в школе встал вопрос - не поменять ли фамилию Димы на вполне русскую

фамилию матери или отца по крови. В МГУ, на исторический факультет которого он поступил, вопрос стал еще острее. Пятый пункт имел тогда значение, и еврейская фамилия могла помешать карьере после института. Антисемитизм преследовался государством, продолжая действовать исподтишка. Но Дмитрий слишком любил и уважал отчима и был слишком независим, чтобы позволить себе этот унижительный акт отрешения от достойного человека. Сам он не находил в этом ничего особенного. Но один очень известный ученый-гуманитарий, имеющий все мыслимые и немыслимые регалии, относился к нему с особым уважением. Вы, посмотрите, говорил он близким, я еврей выбрал русскую фамилию и потратил всю жизнь на то, чтобы все как бы забыли, что я еврей. А он, не еврей, с гордостью пронес фамилию отчима через всю жизнь. Он так и прожил всю жизнь с фамилией Фурман, и таким останется в пантеоне русских историков нового времени.

Чечня с середины девяностых стала одной из самых болезненных тем российского сознания, как в верхних эшелонах власти, так и в самом обществе. И, тем не менее, он выпускает сборник «Чечня и Россия: общества и государства». Казалось бы, перед нами нарушение даже тех принципов, по которым делались прежние сборники – ведь там везде речь шла о независимых странах. Но он считал своим долгом сделать эту книгу. Это была долгая кропотливая работа, и это был вызов. Его вызов.

Дмитрий Ефимович Фурман был социальным оптимистом по природе. Он понимал и чувствовал свободную стихию истории, но при этом оставался человеком Просвещения, который делает свою работу и верит, надеется на конечную разумность человеческих решений. С любым коллегой он был готов поделиться собственным видением проблем, вовсе не претендуя при этом на бесспорность этой позиции.

Фурман считал, что для появления демократии в определенной стране нужно два условия – уровень развития общества и тип культуры, более или менее благоприятствующий демократии. Мы до сих пор бьемся над этой загадкой: там ли мы, туда ли идем? Даже перестав плотно заниматься какой-то страной, он продолжал интересоваться процессами, которые происходили в ней. Ему важен был контекст общего. И не случайно центр, который он создал в последние годы так и назван - Центр эволюционных процессов на постсоветском пространстве.

Много и с оптимизмом он писал о процессах в двух достаточно бедных странах постсоветского мира – Молдове и Киргизии. Он не был человеком ответов, ему больше нравилось четко формулировать вопросы. Ведь в четком вопросе всегда начинается просматриваться ответ. Когда этот ответ преподносит история, он искренне радовался. Он высоко оценивал политические процессы в этих двух столь отличающихся странах, где одержала победу идея парламентского устройства политической системы страны. Фурман считал, если Россия хочет найти себя в этом сложном мире, то надо оглядываться во все стороны.

«Мы хотим перемен», пел Цой. И серьезный, вдумчивый Дмитрий Ефимович тоже верил в перемены. Сразу вслед за президентскими выборами 2008 года в России он написал блестящую статью «Импровизаторы во власти».

Считается, что политик всегда - пленник обстоятельств. А искусство его чаще всего в том и заключается, чтобы обращать эти обстоятельства в свою пользу, например, для укрепления собственной власти. Но иногда политики выбираются из этой заданности и тогда они становятся историческими фигурами. Как историк, он ждал появления такой фигуры.

В названной статье не он насмешлив, насмешлива его мысль. Система политического «преемничества», возникшая в России, могла вызвать у него только ироническое отношение, потому что он прекрасно понимал, что такой акт должен быть как-то заполнен идеологически. Фурман писал в ней, что в путинской операции «преемник» надо видеть не столько сверххитрость и хитрость, сколько отсутствие ясных планов и неопределенности целей. В фурмановской правоте нас убеждает и нынешний эндшпиль этой партии. И здесь, и дальше я не могу удержаться от прямого цитирования:

«Какую-то ясную идею можно претворять в жизнь, и это может получиться или не получиться, но если идеи – смутные и противоречивые, ничего определенного у тебя получиться не может. Ты идешь в каком-то направлении, но, когда заходишь слишком далеко, пугаешься и отходишь. Но если у политика нет общей политической идеи, ему трудно составить и ясные личные планы. Планирует ли Путин вернуться в 2012 году – он, скорее всего и сам не знает («как сложится»).

Эта «каша» – не личная «каша» сознания нашего бывшего президента, а теперь премьера. Это «каша» нашего массового сознания. Каждый социологический опрос раскрывает в ответах примерно те же противоречия, которые мы видим у Путина. У нас общество – вроде бы не против демократии и никаких иных моделей устройства не имеет, но вроде бы и не за. Мы вроде бы считаем себя частью Европы, но боимся расширения НАТО и цветных революций, и.т.д. и т.п.

И идейная эволюция Путина повторяет идейную эволюцию общества».

Тем не менее, Фурман очень тактичен в человеческом плане. Он утверждает, что линия поведения Путина не сознательное приспособление, не лицемерие. Просто «сознание Путина – миниатюрный слепок массового, микрокосм повторяет макрокосм, с очень небольшими индивидуальными отклонениями».

Для меня это и есть взгляд историка, который понимает поразительную, почти «телесную» связь между властью и обществом, которую в обычной жизни мы не склонны фиксировать. Такие процессы наблюдаются и в нашей стране, но у нас они более смазаны, менее артикулированы политиками и историками. Думаю, что в Кремле читали эту статью Дмитрия Ефимовича, и, конечно, такие историки никогда не могут быть приятны власти. Но они всегда будут нужны обществу.

Та статья заканчивалась словами «Что будет в 2012 году и позже, не знает никто – ни Медведев, ни Путин, ни тем более мы». Но спустя три года он скажет в одном из интервью предельно точно, как и полагается историку: «Эпоха Путина закончилась независимо от того, будет он избран президентом России в 2012 году или нет».

Доводы его были предельно просты и ясны - эволюция системы, построенной на абсолютном контроле власти над обществом, достигла своей кульминации и дальше работает только на разрушение. Собственно говоря, это мы и наблюдаем в последнее время в политической истории России. Но Дмитрий Фурман все равно оставался историческим оптимистом и считал, что надо оглядываться на все стороны света. Он считал, например, позитивом победу радикального «Хамас» на выборах, хотя и понимал, что подлинное значение этого факта раскроется тогда, когда в следующий раз «Хамас» проиграет и достойно уйдет в оппозицию. Он хорошо знал разные культуры и полагал, что даже сегодняшняя демократизация Украины является в определенной степени производной от тех элементов саморегуляции общества, которые были в этой стране: казачества, гетманства. Словом, он всегда замечал нечто такое, что ускользало от внимания других историков и, тем более, политологов.

В оставшейся моей жизни его всегда будет не хватать. Мы не часто встречались, еще реже переписывались. Возможностей для встреч было не много, тем более, в Москву порой было труднее попасть, чем даже в Европу. Но мне важно было знать, что где-то в Москве, в Ясенево живет человек ясного ума, таланта и огромной любви и интереса к жизни. В гостеприимной кухне Фурманов всегда было вкусно, но самым волнующим было «послевкусие» этих кухонных бесед. Я всегда уходил обогащенный, если угодно, «раздавшийся» в мыслях и чувствах. Последний раз я видел его уже в прошлом декабре, и он поразил меня мужеством, с которым он принимал свою тяжелую болезнь. Как всегда было вкусно, весело. Дмитрий с удовольствием смаковал французское вино. Время от времени он просил меня зажечь ему сигарету. Он уже наловчился брать ее отказывающимися руками. Он наслаждался этим вечером. Потом начались обычные для фурмановской кухни споры о делах нашего мира. На этой московской кухне мир никогда не делили, а всегда думали над тем, как его понять, а потом сделать лучше. Потом все разошлись, а мне захотелось еще остаться с Димой. Мы беседовали, вспоминали общих знакомых. Потом мы неторопливо прошли к его компьютеру. Ему хотелось показать мне свою последнюю статью о Киргизии. Он напечатал ее одним пальцем, потому что не работать он просто не мог. Прочитав в моих глазах вопрос, он коротко, как бы вскользь заговорил о своей болезни. Как я понимаю, дело это безнадежное – ну, год-два, сказал он. Он сказал еще что-то о своем состоянии, и я понимал, что больше всего он боится того, что не сможет работать. Но, смотри, этот Стивен Хокинг (у Дмитрия была та же болезнь, что у известного британского ученого) столько лет болен, а вкалывает по сей день, слабо улыбнулся он. Потом мы также неторопливо обсуждали статью. Фурмановская мысль была остра и точна, как прежде. Мы заговорили о противостоянии Севера и Юга, которое было вечной драмой Киргизии. И Дима с юношеской убежденностью говорил мне, что столь драматичной форме противостояния выбрана самая правильная альтернатива – перенести это противостояние в парламентские стены и, тем самым, «окультурить» его. А когда он находил что-то разумным, он искренне желал, чтобы это имело успех. Жаль, что он не узнает - состоялся этот успех или нет.

Фурмановский круг останется для меня эталоном качества. Он очень хотел познакомить меня с Санобар Шерматовой, замечательной журналисткой, которая в последние месяцы жизни была глазами и руками Фурмана – они собирались выпустить вместе какой-то новый сборник. Она ушла из жизни незадолго до его кончины, и ее уход тоже сильно подействовал на него. Он говорил, что, если мои приезды совпадут по времени, он обязательно познакомит меня с социологом Георгием Дерлугьяном. В тот декабрьский день он был счастлив, что познакомил меня с Павлом Палащенко, одним из его самых близких друзей, человеком необычайной искренности и жизнелюбия.

Я многословен, сказал бы Дима, но я как бы прощаюсь с ним и никак не могу проститься. Пока я жив, двери моего дома в Баку открыты для всех, кто постучит в мою дверь с паролем – «Я от Дмитрия Фурмана». Так было раньше, так будет. Двери моего дома всегда открыты для его замечательной супруги, искусствоведа Эллы Пастон и его дочери Екатерины, ученого-политолога. Именно дочери он поручил незадолго до своей кончины издать сборник его статей по политическим процессам в постсоветских странах. Я надеюсь, что судьба приведет Катю в наш город. Мне радостно думать, что он продолжает жить в ней.

Печаль моя велика. Но я горжусь тем, что он считал меня своим другом.

Прощай, Дима!

И прости

Тогрул Джуварлы